

Филипп Эриа

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ ПОДХОДИТ К КОНЦУ

Fiction
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Э77

Philippe Hériat
Le temps d'aimer

Перевод с французского Надежды Жарковой

Иллюстрация на обложке Елены Капич

Эриа, Филипп.
Э77 Время любить: роман / Филипп Эриа; [пер. с франц.
Н. Жарковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. —
320 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-33089-4

На пороге своего сорокалетия Агнесса Буссардель может считать себя вполне состоявшейся женщиной. Она воспитывает чудесного сына, который относится к ней с трепетной любовью и доверием. У нее есть уютный дом, скрытый от посторонних глаз. Она стала успешным декоратором, и ее работа пользуется большим спросом.

Агнесса разочаровалась в любви, и теперь ее совершенно не заботит одиночество. Поэтому, когда в ее жизни появляется мужчина, готовый пойти с ней по одной дороге, не посягая на ее свободу и мечты, Агнесса боится сделать шаг навстречу.

Но, возможно, для сильной и прекрасной Агнессы Буссардель пришло время открыть свое сердце и наконец-то почувствовать себя любимой женщиной.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33089-4

© Éditions Gallimard, Paris, 1968
© Жаркова Н. М., наследники, перевод на
русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ЧАСТЬ I

Началось все в тот самый день, когда мой сын вернулся из города, получив по математике плохую отметку. Впрочем, я должна была ждать этой неприятности: математика и он... Но тогда еще я не могла предвидеть, что все это будет иметь продолжение и будет тянуться долго, по сей день.

Как и всегда, в положенный час я услышала шаги Рено, он прошел через весь дом, никуда не заглядывая, только шагал не так легко, как всегда, и, проходя мимо кухни, крикнул:

— Мама дома?

Вот уже год, нет, пожалуй, даже два, как он перестал звать меня «мамми», а я его «Рокки».

— В саде, — ответила Ирма со своим варским акцентом.

Я обернулась. И увидела сына. Он вышел из полутьмы зала и сразу попал в зеленый сумрак, под тень шелковиц, где я сидела, и по его лицу я тотчас догадалась: что-то неладно, но я притворилась, что ничего не замечаю.

— Уже? Присядь-ка.

Я притянула его к себе и усадила в плетеное кресло. Полулежа в шезлонге под сводом ветвей, куда каждый вечер из долины наползал поток необъяснимой прохлады, я не шевелилась, было лень. И произнесла самую банальную фразу, какой обычно подбадривают собеседника:

— К вечеру стало все-таки полегче. А днем просто ад какой-то. И ведь только-только начался май, а жара как в июне. Непременно свезу тебя завтра к морю.

Но Рено не клюнул на мое предложение, хотя мне самой оно казалось заманчивым.

— Не собралась даже посмотреть, что делается у меня на стройке, они там никак не раскачаются. Впрочем, сегодня суббота! Баста!

В этот спокойный час, когда птицы уже замолкают, мой голос звучал особенно четко. Чуть слышное эхо, отбрасываемое стеной фасада, выходившего на восток — она первая к вечеру отдавала накопленный за день зной, — подчеркивало каждое мое слово. Потом я не раз припоминала это вечернее эхо, еще долго оно перекатывалось волной в моей памяти, и пришлось признать, что оно было неким предупреждением. Как могла я тогда же не насторожиться? Но в тот момент я была как глухая, как слепая; день кончался привычно и счастливо, я увидела сына, и это-то усыпило мои предчувствия.

Рено упорно молчал, стиснув губы, чуть вздернув подбородок; его черные, как агат, глаза утратили обычную живость взгляда, что служило у него признаком великой озабоченности. Но этот загадочный и важный вид был для Рено вполне естественным, перешел к нему по наследству от настоящего отца и во-

все не означал, что мой сын размышляет о чем-то не по возрасту серьезном. Я сильно подозревала, что во всех его секретах есть немалая доза школярства.

— А ты, значит, вполне в форме и выдержал по такой жаре зубрежку?

Рено сел, и я поняла, что сейчас он заговорит.

— Знаешь, я по математике последний в классе.

Вот оно что, оказывается, дело только в этом.

— Что ж, бывает. Возьми, к примеру, меня. Я была самой последней из тридцати восьми. Правда, я была моложе тебя, мне было лет тринадцать.

— Что тут общего? А потом, девочкам...

Голос уже стал мягче. Неужели он боится святого материнского гнева? Но, слава богу, я, столько натерпевшаяся в свое время от материнского да и отцовского гнева, жившая по родительской указке, — такой глупости не совершу! А Рено тем временем совсем отмяк.

— Ты пойми, через три месяца мне сдавать экзамен. Если дело пойдет так же, меня из-за математики не допустят.

— Значит, нужно что-то предпринимать. Я-то знаю что, а ты?

— Потому что ты тоже беспокоилась, да? А ведь мне ничего никогда не говорила.

— Ждала, когда ты сам скажешь.

Но он хранил молчание. Его зрачки, их вновь застывшая чернильность впились мне в лицо. Взмахнув рукой, я порвала невидимую нить, протянувшуюся между нами. Запретить сыну так смотреть я не имела права, но не любила, когда он так на меня смотрит. Он замыкался в этой неподвижности, и он, такой близкий мне душой и телом, в какой-то миг, всего на один миг

вдруг приобретал надо мной грозную власть мужской отчужденности, присущей даже подросткам.

— А знаешь, ты обращаешься со мной совсем не так, как другие матери.

Я вздрогнула. Уж, кажется, давно пора было при-выкнуть к неожиданным поворотам его мысли, и все-таки всякий раз они заставляли меня врасплох.

— Я знаю, что говорю. Мальчики часто рассказывают о своих матерях. Я же вижу разницу.

Мне была воздана дань уважения, и я радовалась тому, что минутная неловкость исчезла. Обращалась с ним совсем не так, как другие матери...

Немало я для этого постаралась! Но я уважала своего сына и его непосредственность, не видя в ней ничего смешного. Через мгновение я уже овладела собой.

— Пойди скажи Ирме, чтобы она дала нам по стакану холодного оршада. Будем как провансальцы, упьемся миндалем. И приходи скорее обратно, поболтаем! — бросила я ему вслед.

Рено вернулся уже в шортах и сандалиях и без дальних слов сообщил мне, что давно отставал по математике.

— Но теперь мне окончательно каюк, теперь не догнать. Разве что чудом смогу выбраться. А чудеса...

— Представь, я тоже не очень-то верю в чудеса. Предпочитаю земное вмешательство. Кого-нибудь, кто сумеет нам помочь.

— Значит, ты это имела в виду?

Да, именно это. Мысль эта уже давно пришла мне в голову. Рено успешно шел по латыни, греческому и особенно по французскому языку, и отчасти поэтому мы перебрались в город, расположенный непода-

леку от университета, славящегося своим филологическим факультетом. Но математика, математика... Еще мальчиком на нашем уединенном острове он с трудом научился считать. И я не могла упрекать сына в антиматематическом направлении ума, напротив, видела в этом своеобразное подражание, если только не прямую наследственность. Все мои ученические годы, и Рено это знал, прошли под знаком отчаянной ненависти к математике, к которой я не имела никаких способностей, а главное, и не стремилась ее понять из чувства противоречия, так как вся наша семья превозносила математику, превознося ее главным образом за то, что в ней есть цифры, а цифры, как известно, насущный хлеб бережливости. Двадцать лет спустя, когда я нежданно-негаданно сделалась декоратором, потом специализировалась на восстановлении местных старинных зданий, я убедилась, что существенный пробел одностороннего образования мешал мне в спорах с подрядчиками, да и сейчас мешает.

— Понимаешь, — проговорил Рено (это «понимаешь», которым он начинал почти все свои фразы, вошло у него в привычку, и я догадывалась, что с помощью этого «понимаешь» он старается установить между нами более тесное понимание). — Понимаешь, как бы я ни старался, какие бы отметки в течение года ни получал по французскому языку, по латыни, по греческому, по английскому, даже по истории, все равно в конце концов в день экзаменов алгебра и геометрия меня загубят.

— А мы не дадим тебя загубить.

Он улыбнулся впервые после возвращения из лицея, но тут же снова вспомнил что-то неприятное и покачал головой.

— Брать уроки у учителя математики — это же ску-
чища.

— Почему же именно у учителя?

— А у кого же тогда?

— У ученика, только старших классов.

— У математика?

— Хотя бы. Есть же у вас в лицее какой-нибудь уче-
ник, который дает уроки, чтобы улучшить свое мате-
риальное положение.

— Есть, — согласился он. — Но предупреждаю, все
математики воображают, будто вышли прямо из ляж-
ки Юпитера.

— Попытаемся найти такого, который не вообра-
жает, будет еще забавнее. А как, по-твоему, разве не
интереснее тебе заниматься с приятелем семнадцати-
восемнадцати лет, чем с тридцатилетним стариком?

Рено повернулся, посмотрел на меня, потом на сос-
новую рощу, идущую вверх по косогору, после чего
с серьезным видом отхлебнул глоток ледяного орша-
да и, очевидно, взвесив все за и против, сказал:

— Это идея.

Молчал ли он, говорил ли, все носило на себе следы
его одинокого детства. С первого дня его рождения мы
жили только вдвоем, и я нередко с опаской думала, не
сказалось ли это постоянное одиночество на его харак-
тере, не расслабило ли его. Но он был настоящим маль-
чишкой и постепенно на моих глазах мужал, рос. И те-
перь отрочество брало свое. Не было в Рено ни каких-то
особенных талантов, ни тщеславных притязаний, зато
в нем чувствовалось *poli me tangere*¹, что равно относи-

¹ Не тронь меня (*лат.*).

лось как ко мне, так и ко всем прочим. Самым редкостным благом, пожалуй, единственно надежным в нашей с ним уединенной жизни, был врожденный инстинкт моего сына, не позволявший ему прибегать в отношениях со мной к ребяческой дешевой разнеженности и мелкотравчатой откровенности, которая сплошь и рядом у единственных сыновей, воспитанных матерью, становится как бы вторым дыханием, дыханием психического свойства. И он сам не слишком держался за свое детство, да и я тоже не пыталась продлить его. Он удачно избежал опасности стать слишком зависимым от меня, а я — опасности слишком распоряжаться им, к чему у меня, несомненно, имеется склонность. Далось мне это не без труда, но, стремясь уважать его натуру, я несколько утратила свою и, как многие женщины, нашла в этом удовлетворение: забыла о себе.

Но как только мы заговорили о лицее, я увидела, что Рено рассеянно смотрит куда-то вдаль на сосновую рощу — то ли он надеялся обнаружить среди стволов силуэт неведомого репетитора, то ли думал о контрольной работе, которую ему вернули в присутствии всего класса и под которой красным карандашом была выставлена отметка, отбросившая его на последнее место. Я встала.

— А знаешь что? Давай-ка поужинаем пораньше и сходим вдвоем в кино. Хоть отвлечемся немного.

— Ох уж ты! — И Рено, на чьих губах я не могла вызывать даже улыбки, расхохотался во все горло. — Нет, они правы, твои деятели, когда говорят, что ты всегда всех обойдешь. Только я в шортах, пойду надену джинсы.

— Оставайся в шортах, вас, таких, что показывают голые ляжки, хватает. А гляди-ка, по-моему, они у тебя за последнее время здорово окрепли.

— По-моему, тоже, — охотно согласился Рено. — Это из-за баскетбола.

Он согнул колени, чтобы нам обоим удобнее было разглядывать его ноги, потом вытянул их, расставил в виде ижицы, напряг мускулы и сам пощупал их не без удовольствия.

Прошло много лет, а до сих пор я помню, какой фильм давали тогда в нашем любимом кинотеатре. Главную роль играл американский актер новейшей кинематографической школы, и, если судить по стечению публики, местная молодежь, очевидно, многого ждала от этого зрелища. Не будь у меня тайного замысла во что бы то ни стало развлечь своего сына, пожалуй, я пожалела бы о том, что мы сюда пришли; чем меньше я буду придавать значения его неудаче с математикой, тем легче он согласится на предложенное мною средство спасения. Но, с другой стороны, я была не прочь еще раз вникнуть в яростную жажду жизни нынешних юнцов в ее кинематографическом воплощении, сидя рядом с сыном и зная, что пока сумела его уберечь.

Мы уселись на свои места, и, как только погас свет, Рено завладел моей рукой. Это уж никак не было в его привычках. Я разрывалась между чувством радостного волнения и гордостью при мысли, что могу вести сына куда захочу. Но осторожность, осторожность! Не должен он, недоверчивый, как жеребенок, видеть мое оружие, а уж тем паче мое торжество. Когда после кинохроники снова зажегся свет и я хотела было принять руку, он вцепился в нее еще крепче. Взглядом, движением подбородка я, улыбаясь, показала ему на соседей. Но он только пожал плечами.

— Плевать мне на них с высокого дерева.

— Тебя же примут за моего возлюбленного.

— А разве я тебя не люблю?

Во время фильма, который показался мне бесконечно длинным в этом душном зале, Рено выпустил мою руку, но когда именно? Однако, вспоминая об этом сейчас, я еще чувствую на запястье это нежное касание, такое, казалось бы, банальное в темноте кинотеатра, но никогда этим минутам не суждено было повториться.

После нарочитого нагнетания кинокадров и тесноты при выходе из кинотеатра взбурлил людской водоворот, растекся по тротуарам и мостовой, вскипел, разбился на отдельные ручейки, и вот уже затрещали мотороллеры, стреляя, несомненно, в честь тех самых мотоциклов, что бороздили экран.

— Давай переждем на террасе кафе и закажем мороженое. Неохота в такой давке садиться за руль.

Под сводами платанов, освещенных электричеством, помещалось миленькое кафе, зеленое с золотом, славящееся на весь бульвар и в сезон закрывающееся позже других. Здесь можно было подышать воздухом ночной прохлады и воздухом студенческой молодежи, уже давно вытеснившей прежнего завсегдатая — буржуа. Порывы ветерка налетали, играли моими волосами. Рено уже не говорил о фильме: очевидно, то, что показали нам, его не задело. Он смотрел на снующую вокруг нас публику, кланялся товарищам, а я наслаждалась минутой счастья. Да и как же не быть мне безоблачно счастливой? Я уже успела сжиться с тем, что лишена, как принято говорить, женской жизни, перестала интересоваться мужчинами моего возраста или старше и вот сумела же в сорок лет добиться подлинной бли-

зости с юношей, который принадлежит мне целиком, с мальчиком, с собственным своим сыном.

Мне захотелось посмотреть на него, отдохнуть душой, глядя на дорогое мне лицо, но тут он сказал:

— Сейчас на бульваре стало потише. Пустишь меня за руль?

Наша машина одним махом промчалась по боковой улице, и после внешнего бульвара навстречу нам понеслись просторы. Городская жизнь отступилась от нас, мы возвращались в наше царство. Всякий раз, будь то ночью или днем, покидая город этим более коротким путем, через окраину, я как бы попадала в чужую, новую страну. Она не обманывала моих ожиданий и, когда вечерами я возвращалась домой к сыну, с первыми же оборотами колеса становилась мне наградой за долгий день работы. Порывы ветра, налетавшие сразу же за акведуком, выметали из головы нудные разговоры с агентами по продаже недвижимого имущества, с подрядчиками, поставщиками, клиентами — уже совсем невыносимыми спорщиками. Тогда я забывала замороженную стройку, отсутствующих или отлынивающих от работы каменщиков, их вечное стремление отложить сегодняшние дела на завтра — такова оборотная сторона провансальской медали. Домой я приезжала с ясной головой, с радостной усмешкой на губах и ничем не давала понять Рено, что у меня, кроме забот о нем, есть еще и свои дела, свои нерешенные вопросы, усталость, нелегкий заработок, о чем он, очевидно, догадывался и был мне за это благодарен. В основу его воспитания я положила золотое правило — избавить сына от того, в чем я пробарахталась все свое детство или, проще говоря, что искалечи-

ло мне всю жизнь. Программе этой стараются следовать многие родители, но редко кто из них выполняет ее с неукоснительной точностью. Кроме, пожалуй, одного ее пункта — ненужного попустительства.

Нынче ночью при свете луны, такой яростно яркой, что дорога превращалась в туннель, сплетенный из густых теней, этот процесс перехода в чужую страну произошел, по-моему, еще быстрее и был еще резче. Машины вел Рено, поэтому я могла без помех наслаждаться минутой. Мы миновали сосновую рощу, бугристую, беспорядочную, задавленную серыми утесами, казавшимися при луне совсем белыми, выбрались на знакомую дорогу и замолчали. Я думала. Итак, типично парижское животное, превращенное старанием семьи и самой жизнью в медведицу, я окончательно осела в этих далеких краях со своим медвежонком. Я жаждала, искала, но не сразу обнаружила теперешнее свое убежище. По правде сказать, я просто кочевала с места на место с тех пор, как покинула свой остров. Тот самый остров, где скончался мой муж, где родился Рено, где мы прожили с ним более десяти лет, тот самый остров, в почву которого, как мне казалось, я пустила глубокие корни. Изгнанная оттуда происками родной матери, я укрылась в маленьком городке, возвышавшемся над морем, где надеялась найти себе тихий приют; но через три года старый городок стал потихоньку выживать меня, когда его с боя взяли картинные галереи, антиквары и ночные клубы, а довершили дело моего изгнания деятели кинематографии, разбившие неподалеку свой стан.

Но гнала меня также и мысль о том, что поблизости от нашего жилья должен находиться хороший лицей, куда Рено мог бы ездить один без провожатого на мопе-

де, потому что дела мои ширились и я не могла каждый день отвозить в школу сына и встречать его после окончания уроков. Поэтому-то я и старалась уйти подальше от смертоубийственных шоссе. Странная это была погоня за новым очагом, предпринятая женщиной, вырванной из родной почвы и таскавшей за собой своего ребенка, свою служанку и свою мебель. Иной раз я говорила себе: «Такова расплата за твое происхождение, дочь моя, не надо было бежать из наших ленных владений». Но я и думать не могла о том, чтобы туда вернуться. Я опасалась парижского воздуха и климата Парижа для Рено, выросшего под легким крылом мистрала, да и приобретенный мною профессиональный опыт вряд ли пригодился бы в столице. Не говоря уже о том, что мне отвратительно было жить вблизи от нашей семьи, пусть даже я буду избегать с ними встреч. Приходилось снова пускаться на поиски.

Портовые города, отравленные, изуродованные, отталкивали меня еще и потому, что в каждом таком городе берег моря сжат кольцом вновь отпочковывающихся кварталов. Одно время я подумывала о долине, расположенной напротив моего острова и хорошо мне известной, где с незапамятных времен разводили фрукты и добывали соль, но я знала: она тоже заражена зудом строительства жилых кварталов. Постепенное опошление Лазурного берега, непрерывное размножение огромных зданий-муравейников, которые залезают в сосновые рощи, сползают к самому берегу, превращают порты и бухты в миниатюрные Бразилиа, их несметные полчища, которые, чем ближе к сердцу Ривьеры, тем становятся гуще, погнали меня теперь уже с востока на запад. Все эти Ниццы, Эстерели

и Моры были не для меня. Меня соблазнило селение, расположенное неподалеку от моря на крутом склоне, потому что я люблю крутизну; мне нравились тесные домики эпохи Возрождения, которые там можно было приобрести. Но я узнала, что внизу, у подножия, буквально на расстоянии человеческого голоса, решено в ближайшее время построить площадку для посадки вертолетов. Тогда я остановила свой выбор на маленькой ферме, прилепившейся к склону холма, откуда открывался вид на море и на бухточки, пригодные для купания. Но я уже была начеку и, расспросив виноградарей и рыбаков, скоро узнала о надвигающейся на них беде. Крупное общество химических препаратов решило спускать отбросы производства прямо в море напротив селения. В борьбе против этой багровой грязи образовался целый фронт сопротивления, люди забили тревогу, собирали подписи под петициями, где ссылались на загрязнение вод, на гибель планктона и фауны; меня тоже попросили подписаться. Я подписалась и отказалась от маленькой фермы.

А между тем время не ждало. Приближались каникулы, и, если я хотела отдать Рено в другой лицей, надо было его туда записать, но прежде всего определить, куда записывать. Тогда я решила: будь что будет. Постепенно удаляясь от берега моря, я отступала вглубь страны и очутилась в главном городе провинции, издавна пользующемся доброй славой университетского центра, и сумела записать сына в тамошний лицей. К октябрю я наняла в городе квартиру и думала: «Раз надо, дом-то я всегда найду».

Рено со своей способностью, а может, и привычкой довольствоваться в повседневной жизни собственным

обществом уже акклиматизировался в новом лице, у меня тоже после нашего порхания с места на место стала появляться клиентура, а дома я все еще не нашла. И продолжала кружить по окрестностям. Я упрекала себя за свои маниакальные идеи, а возможно, под влиянием профессии я стала слишком разборчивой в выборе местности. По опыту я уже знала, что дома реставрировать можно, а вот местность нет. Я пересмотрела десятки поселков и в каждом обнаруживала один и тот же порок. Огромный индустриальный комплекс с его марсианским пейзажем широким фронтом наступал на этот край, дышавший древней культурой и историей; газгольдеры, нефтепроводы, домны, терриконы, клубы грязной охры штурмовали горизонт, и, когда за углом деревенского дома подлинной провансальской постройки или за завесой кипарисов я не видела их воочию, — я их себе воображала. Поганя всю прелесть вечернего часа, ядовитое дыхание выдавало присутствие завода, о котором я и не подозревала. Повсюду я видела лишь угрозу и грубое вторжение в оскорбленную природу. Повсюду я натывалась на бога практицизма.

— Мадам, я прекрасно знаю, что могло бы вас устроить, — сказал мне как-то директор главного агентства по продаже недвижимого имущества, к которому я иногда обращалась по делам моих клиентов и которому я надоедала своими собственными заботами. — Я знаю, что вам подошло бы: я имею в виду особнячок в Фон-Верте, каким он был сорок лет назад. Я видел его еще в детстве, но, боюсь, он уже не существует.

— Фон-Верт?

— Да. И я сказал: особнячок, а не сельский дом. Вам это различие понятно.

— А он имеет ярко выраженный архитектурный характер?

— Больше чем характер — стиль.

— А какая эпоха?

— Середина восемнадцатого века. Но, ради бога, не разжигайте зря свое воображение. Вряд ли от дома что осталось.

— Вы сделали все, мсье Рикар, чтобы разжечь мое воображение. Покажите мне, пожалуйста, по карте, где он находится.

— Где находился, — поправил меня мсье Рикар и развернул карту масштаба 1:50000. — Вот здесь, смотрите. Ого, всего двенадцать километров езды, не считая двух-трех километров проселками, которые идут вверх и налево, вот здесь, смотрите.

Первый визит в Фон-Верт я нанесла одна и, сидя за рулем, твердила себе: «Только не увлекайся. Прежде всего будем реалистичны». Мне пришлось бороться против этой любви с первого взгляда, вспыхнувшей во мне еще на подъезде к Фон-Верту. А вспыхнула она из-за местоположения, пустынности и кругозора, из-за развалин стен, полоненных плющом, — лишь только я их обнаружила, я тут же нашла, вернее, пожелала найти, что они полны изящества. Больше того, я почувствовала укол реставраторской страсти, которой, признаюсь, мне не всегда хватало, когда клиенты делали мне малопривлекательные предложения. Я надела в городе справки, перерыла все архивы, отыскала два карандашных рисунка без подписи, на которых мой особнячок был изображен уже ветхим и полуразвалившимся, с вылезавшими из-под обсыпавшейся штукатурки камнями, уже сведенным к рангу бедной

фермы, но еще с четырьмя квадратными башенками, еще крытый круглой черепицей, с множеством дверей и окон, заложенных кирпичом, но еще различными на фасаде, как следы плохо зашитых ран; словом, и этого вполне хватало, чтобы в моем воображении он поднялся из руин с непогрешимостью мечты. Самым трудным оказалась не покупка, гораздо труднее было добраться до тех, кому принадлежали земля и руины, согласовать людей и вещи. Но тут я вдруг обнаружила в себе ловкость и тактический дар опытного нотариуса.

Воскрешение из мертвых моими собственными трудами и на моих глазах этого зданища, которое словно бы само вышло из земли, из минувших веков, мне показалось сказкой. Получилось даже так, что восстановленная сообразно чертежам постройка вдруг приобрела неожиданный облик, пробудив во мне скрытые мечты. Карандашные рисунки, безусловно набросанные рукой женщины, носившие на себе след девятнадцатого века, склонного обуржуазить даже хижины, развенчивали ли они свою модель, сохраняя в неприкосновенности все ее пропорции и линии? Теперь, когда Фон-Верт был восстановлен во всей суровой наготе своих камней, со вновь открывшимися, как глаза, окнами, он предстал передо мной как некий каприз, и по мере восстановления он под непрерывно менявшимся здесь освещением проходил всю гамму от изящного до причудливого, а иной раз в вечерних сумерках подступал даже к той грани, где начинается фантазия. Тогда гравюра из фамильного музея становилась творением Леду. Я-то считала, что отстаиваю для себя просто приятное жилище, и вдруг стала владелицей крошечного, ни на что не похоже-

го замка, понятно, снабженного всеми современными удобствами.

Наконец настал день, когда все было готово, леса сняты, рабочие разошлись, и я привезла весь свой генеральный штаб, другими словами, сына и молоденькую Ирму, полюбоваться детищем моего терпения и трудов; и вот тогда я подумала, что, возможно, мы уже прошли еще один этап и начинается иная эра. Сияло солнце, ветер шевелил верхушки платанов, шелковиц, крапивных деревьев, которые я сохранила, уважая их как современников той бывшей фермы, а может быть, посаженных еще раньше; справа над нами вершина горы таранила небо, а за нашей спиной лежала долина без деревень, без жилищ — во всяком случае, их отсюда не было видно; и пока Рено с нашей молоденькой служанкой Ирмой бегали вокруг дома, я стояла неподвижно перед этим еще необитаемым, но теперь уже живым Фон-Вертом, и в памяти у меня возникли слова моей покойной подруги, меткие, как афоризм. Как-то я сказала ей, что вообще я люблю дома, но чувствую недоверие к тем, которые не приглянулись мне с первого взгляда. А главное, недоверие к людям, которые обязательно выбирают себе среди всех прочих домов именно такие, лишенные души дома или получают их по наследству и, поселившись в них, ничего не меняют, до того не меняют, что и через двадцать лет жилье кажется необитаемым. И моя подруга тогда сказала: «А знаете, Агнесса, тут нет никакой тайны: у каждого тот дом, которого он заслуживает».

Значит, я заслужила свой Фон-Верт? Без ложной скромности я могла ответить: да, заслужила. Во всяком случае, Фон-Верт меня принял. Уже на второй день жизни там, когда я переходила из комнаты в комнату, двер-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Эриа Филипп ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Л. Асанова, Л. Петрова*
Верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.07.2026.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 2000 экз. Т-АНФ-42437-01-Р. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; azbooka.ru;	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

